

Солженицын так и остается неоднозначной фигурой в русской культуре. Все так же, как и при его жизни, звучат в адрес Александра Исаевича обвинения и даже клевета. Первый биограф писателя, известный литературовед, критик Людмила Сараскина в своем видеоблоге рассказывает о своем общении с писателем.

Судьба послала мне незабываемое личное знакомство с писателем. В январе 1995 года Александр Исаевич, уже вернувшись из изгнания, позвонил мне и сказал, что читал в Вермонте мои книги о Достоевском, что хорошо к ним относится и хотел бы встретиться, пообщаться. А также спросил, не могла бы я как человек, связанный с литературным миром, помочь ему сориентироваться: ведь он был оторван от страны на целых 20 лет. Мне была оказана высокая честь; наше знакомство продлилось с января 1995 года по август 2008 года, когда Александра Исаевича не стало.

Вскоре после первой встречи (в той самой квартире, где А.И. был арестован в феврале 1974-го), он пригласил меня войти в состав жюри его литературной премии; мы с ним вместе писали устав этой премии. Литературная премия Александра Солженицына стартовала в 1998 году. Наше общение переросло в тесное и дружеское сотрудничество. Но только спустя пять лет после знакомства пришло осознание: я же филолог, литератор, и вот мне Бог послал такое знакомство, такого человека!

Людмила Сараскина

Я задумала составить Летопись его жизни; стала собирать документы. За два года собрала большой биографический материал по опубликованным источникам, в котором — увы — оказалось множество фактических ошибок, неувязок, пробелов. И тогда только я призналась Александру Исаевичу, что Летопись моя почти готова. То, что из этой работы может выйти жизнеописание, я и не думала. Тем более Александр Исаевич постоянно повторял: «При жизни я не хочу никакой биографической книги».

Но, поскольку вокруг имени Солженицына образовалось столько лжи и клеветы, мне хотелось расставить все точки над *i*: где он воевал (а то ведь писали, что не воевал и на фронте не был), как перенес болезнь (иные «исследователи» сообщали, что никакой онкологии у него никогда не было), я продолжала собирать аргументы и факты, теперь уже с помощью самого писателя.

«На меня врут, как на мертвого», — грустно говорил Александр Исаевич. На протяжении нескольких лет я к нему приезжала с диктофоном, задавала вопросы, он отвечал. Записи бесед я сразу же расшифровывала, так что в итоге набрался большой текстовый материал. Я тогда полагала, что это материал для неизвестного будущего.

А в конце 2005 года Александру Исаевичу позвонили из издательства «Молодая гвардия» и сообщили, что открывают новый проект — «Биография продолжается». И он у них стоит в списке как один из ближайших героев. Услышав, что Солженицын против, издатели сказали: «Книга все равно должна быть написана. Но если вы не будете принимать в этом участия, мы попросим кого-нибудь со стороны. Но тогда остается риск появления недостоверных фактов. Может быть, у вас все-таки есть автор, которому вы доверяете?» «Есть», — ответил Александр Исаевич, назвав меня.

Таким невероятным образом, неожиданно для себя, я стала первым русским биографом Солженицына.

Самым ярким из всех моих визитов к нему, из всех наших разговоров, был, пожалуй, день, когда мы сидели с ним за картами боевых действий военных лет. Вместе проследили и отметили флажками весь его военный путь. При этом у меня уже были документы из Министерства обороны, я уже знала, за что конкретно ему дали те или иные награды, на каких фронтах он воевал. Однако так подробно, шаг за шагом проследить весь фронтовой путь вместе с героем книги для меня как для биографа было бесценно.

Александр Солженицын в лагере. 1946 г.

Еще один знаменательный момент наступил, когда я ознакомилась с медицинскими документами 1954 года из Ташкентского онкологического центра — справки о рентгенотерапии, о ходе лечения, о скудном дополнительном питании. Эти документы ярче всяких рассказов свидетельствовали о том, что пришлось пережить одинокому

35-летнему зэку, родители которого давно умерли, а жена, Н.А. Решетовская, оставила. И как его, умирающего от раковой опухоли, вытягивала больница в то голодное время.

Среди его произведений для меня как для биографа бесценен роман «Архипелаг ГУЛАГ». Я оттуда, как магнитом, вытягивала биографические детали, которых там — великое множество. И постоянно спрашивала: «Александр Исаевич, это было с вами или с кем-то другим?» И, как правило, слышала в ответ: «Это было со мной. Это — при мне. Этому я был свидетель». Иногда говорил: «Нет. Это — типологическое».

Мне он потом признался, что во всех его произведениях 90% — это история, реально бывшее, случившееся с ним или то, чему он был свидетелем, и лишь 10% вымысла.

Из судьбы Александра Исаевича самое яркое для меня и поучительное — это исключительная, не знающая аналогов, кроме разве Достоевского — преданность своей писательской профессии. Это меня захватывает, поражает, очаровывает.

Тем более стремление быть писателем было связано у него с внутренней необходимостью соответствовать своему ощущению правды. В советское время он мог бы стать вполне успешным советским литератором, вписанным в контекст своего окружения, вступить в Союз писателей, стать секретарем писательской организации, руководить литературным процессом. Но он не соблазнился. А у него была такая возможность, когда «Один день Ивана Денисовича» был захвален Н.С. Хрущевым, продвинут в печать. Писатель стал героем времени. Однако очень скоро литначальство его раскусило, поняло: не наш, чужак, не советский.

Но если бы он был человеком карьерным, он бы смог ловко воспользоваться ситуацией. А ведь Солженицын в Москве так никогда и не имел своего жилья.

В квартире, в которой сейчас находится литературное представительство Солженицына, были прописаны его жена с четырьмя детьми, матерью и отчимом. Прописать Солженицына к семье государство так никогда и не разрешило. Он приходил в гости к жене и к детям, а через 72 часа в дверь звонил милиционер и говорил: «Все, гражданин, ваше время истекло, вы не имеете права больше здесь находиться». И он вынужден был уходить.

А ведь если он стал играть по существующим правилам, он бы добился куда большего, чем просто квартира. Не захотел.

Эту исключительную преданность профессии Солженицын демонстрировал на протяжении всей своей жизни. В начале 1990-х, перед возвращением на Родину, он получал письма, убеждавшие его согласиться на выдвижение в президенты; его уверяли, что поддержка народа будет очень высока. Но он неизменно отвергал любые предложения подобного рода.

Для меня биографии и Достоевского, и Солженицына — это самые главные их тексты, из которых вытекает все творчество этих писателей. Я не понимаю тех историков литературы, тех исследователей, которые говорят: «Биография нам не интересна, мы изучаем только тексты». Эти люди лишают себя воздуха, кислорода, дневного света.

Я не хотела болеть литературоведческой асфиксией и куриной слепотой, поэтому стала биографом. И через биографии Достоевского и Солженицына я гораздо лучше стала понимать их произведения.

Для читателей, не занимающихся литературой профессионально, биографический сюжет, — это вообще зачастую самое интересное. Живая жизнь писателя, его человеческое измерение — надежный ключ к творчеству.

Подготовила Оксана Головки